

Оказывается, та длинная череда тикающих букв на самом деле означала диабет...

Заметив столь бурную реакцию Лу Юньцзэ и его отчаянно-опровергающие попытки отбиться, Лян Хаожань не удержался и громко фыркнул со смеху.

А этот парень втайне, оказывается, такой забавный.

Раз уж он такой уморительный, было бы просто преступлением не подразнить его еще хоть немного.

— Ой, так ты это, за меня переживаешь? Небось испугался, что в этой свинине в кисло-сладком соусе слишком много сахара, и намекаешь, чтобы я ел поменьше? Мог бы прямо так и сказать по-русски, к чему эти иностранные словечки, какая избыточная вежливость.

Лу Юньцзэ наконец потерял терпение, резко отвёл взгляд от словаря, и его глаза метнули в сторону собеседника безжалостные кинжалы.

— Я не с тобой разговаривал, я слова учил. Избавь меня от своих фантазий.

— А, вон оно как? А я-то думал... — Лян Хаожань с наглым и расплывчатым выражением лица парировал удар.

— Но если честно, Лу-шэнь, а ведь ты в плане воспитания куда хуже, чем кажешься... Разве не самое базовое правило этикета — сидя за столом с кем-то вдвоем, уделять внимание своему компаньону по трапезе?

Выслушав эту наглую софистику, Лу Юньцзэ, уже было собравшийся снова с новыми силами вгрызаться в зубрежку, опять поднял голову и посмотрел на него так, словно перед ним внезапно предстал инопланетянин, а все его лицо выражало абсолютное недоумение.

— С каких это пор мы с тобой сидим за «совместной трапезой»? Мы просто сидим вместе потому, что кое-кто бесстыдно втиснулся напротив меня.

— А? Разве это не легендарная парочка товарищей по обеду, каждый из которых ест свое?

— С чего ты вообще взял хоть одним глазом, что мы едим вместе?

— Разве мы не сидим не просто лицом к лицу, а еще и болтаем так оживленно, перебрасываясь словечками, как сейчас? — Лян Хаожань развел руками.

— ...

Лу Юньцзэ мгновенно лишился дар речи, изобразив досадливую гримасу человека, которого поймали на больное место.

Похоже, лишь сейчас до него запоздало дошло, что он сам не заметил, как действительно поддался ритму Лян Хаожаня и проболтал с ним добрую половину дня о всякой чепухе.

Увидев его ошеломленный вид, Лян Хаожань улыбнулся еще шире.

Лу Юньцзэ задохнулся от злости, бросил на него последний свирепый взгляд, затем схватил со стола словарь, подхватил поднос, к которому едва притронулся, и резко поднялся.

А у этого барчука характер оказался не из легких.

— Уже собираешься выбрасывать? Ты ведь даже половины ложки не съел, — Лян Хаожань задрал голову, глядя на него.

В ответ ему досталась лишь холодная спина удаляющегося Лу Юньцзэ, не удостоившего его на прощание даже каким-нибудь знаком препинания.

— Лу-шэнь, неужели ты не слыхал, что те, кто разбазаривает еду, после смерти в преисподней должны будут выхлебать всё до капли, перемешав всю недоеденную в прошлой жизни стряпню в одном большом чане? Смотрю я, у тебя и так аппетит ни к черту, выдержишь ли ты потом такое испытание?

Лян Хаожань повысил голос, крикнув вслед удаляющейся прямой спине.

Шум получился нешуточным, и несколько соседних столиков, где обедали студенты, тут же замерли с палочками в руках, а любопытные взгляды мгновенно устремились в их сторону.

Совесть у Лян Хаожаня была толще стенки городской крепости, да к тому же в нем жила искра показушника, так что никакого смущения он, разумеется, не почувствовал.

Однако для гордого и холодного от природы Лу Юньцзэ ситуация, скорее всего, выглядела совершенно иначе...

Любопытство зрителей было успешно разбужено, и они принялись крутить шеями во все стороны в поисках цели, желая выяснить, кому же именно пресловутый Лян Хаожань бросал вызов посреди всеобщего внимания.

Лу Юньцзэ явно ощутил спиной эти колющие взгляды, его плечи резко напряглись, а шаг мгновенно стал судорожно-быстрым.

Он даже толком не стряхнул с подноса остатки еды, поспешно свалил всё в бак для отходов и сбежал из столовой бегством, а его силуэт напоминал участника соревнований по спортивной ходьбе.

Уж не перегнул ли он палку с шуточками?..

Лян Хаожань сидел на своем месте, на три секунды испытав внезапное пробуждение совести и самоанализ.

Он ведь еще даже не успел принести обещанные на сегодня извинения, а уже умудрился разозлить человека настолько, что тот сбежал, оставив обед нетронутым.

Он всегда гордился тем, что обладает чувством меры и отлично понимает, когда стоит остановиться, но стоило ему столкнуться с Лу Юньцзэ, как эта граница неизменно ускользала.

Стоило лишь слегка подразнить его, как взрывной характер собеседника, оцетинившегося, словно ёж, начинал выглядеть донельзя забавно, и это неизменно толкало его на безумные попытки балансировать на грани краха.

Ладно, придумаю что-нибудь после обеда, куплю в качестве заглаживания вины.

Лян Хаожань без малейшего угрызения совести мгновенно взял себя в руки, собираясь уже было подхватить ложку и продолжить уплетать еду, как вдруг Пэн Юй и Пан Бо — эти живые радары сплетен — непонятно когда уже подтащили свои подносы и устроились напротив него, заняв места по обе стороны.

В тех четырех глазах, впившихся в него, недвусмысленно читалось жгучее желание познать истину.

— Хао-цзы, что за представление вы тут только что разыграли? Ты видел, какое лицо было у Лу-шэня, когда он уходил? Да оно чернее тучи! — Пэн Юй первым ринулся на разведку.

Пан Бо тут же подхватил, добавляя подробности:

— Точно-точно, вся физиономия почернела. Что такого крамольного ты ему наговорил, раз вынул человека бросить обед и сбежать?

Лян Хаожань улыбнулся, но промолчал.

Заметив, что тот молчит, Пан Бо вдруг принял серьезный и сосредоточенный вид.

— Лян Хаожань... давай-ка честно признавайся, неужели в его миске говядины оказалось больше, чем в твоей, и тебя одолела зависть?

— Ха? Это что еще за номер?

Лян Хаожань потерял дар речи: он-то всё это время пялился на насупленную физиономию Лу Юньцзэ, откуда у него было время выискивать, сколько кусочков мяса плавает в чужом супе?

Пан Бо с абсолютно серьезным видом продолжил свои детективные умозаключения:

— Ты небось подошел, глянул и обнаружил, что говядины в миске Лу Юньцзэ навалило с горку, вот у тебя на душе и возникло сильнейшее неравенство, из-за чего ты специально привязался к нему и стал задирать? Хао-цзы, нельзя же быть таким мелочным, тетка-раздатчица проявила предвзятость и положила ему побольше мяса, но Лу-шэнь-то тут совершенно ни при чем.

И ведь понятия не имеешь, какого сорта каша заварена в голове у этого толстяка.

Лян Хаожаню от услышанного стало одновременно и смешно, и нелепо, он лишь смог суховато издать нечто вроде «хех».

Если бы фантазия этого парня не пропадала зазря, из него вышел бы отличный автор фантастических детективов.

По дороге обратно в класс после обеда Лян Хаожань между делом заглянул в школьный магазинчик, прихватив с собой сэндвич с ветчиной и яйцом, а заодно корочку клубничного молока.

— Ты же только что умял целый поднос, зачем тебе еще одна пайка? Неужели ты подхватил заразу от толстяка и решил расти исключительно вширь?

Пэн Юй уцепился за это словно за неопровержимую улику и принялся громко хохотать со стороны.

Лян Хаожань даже не удостоил его ответом — в конце концов, этот паек покупался вовсе не для того, чтобы ублажить его собственный желудок.

<http://bllate.org/book/19354/1892262>